

Западной Африки. Творчество этого писателя рассмотрено в книге Г. Потехиной как отмеченное «влиянием эстетики социалистического реализма». Умение С. Усмана видеть африканскую действительность в «исторической перспективе» и понимание тех перемен, которые происходят в Африке, придают действительность социальному анализу в его романах, ибо в них — не только критика, но и поиски позитивных решений многих важнейших вопросов современной Африки.

Большой круг проблем, который связан с анализом западноафриканских литератур, серьезно исследованный в «Очерках», во многом характерен и для духовной жизни всей Африки. Вот почему нетрудно согласиться с теми выводами и с теми прогнозами, которые даются в книге Г. Потехиной для развития африканских литератур в целом.

Еще и сегодня по всему африканскому континенту от севера до юга не утихают споры о том, каким путем пойдут африканские литературы и нужно ли отказываться от «европейского наследства» и европейских языков, чтобы обрести свою собственную читательскую аудиторию и преодолеть изоляцию читателя от писателя. Поэтому особенно важным, на наш взгляд, является заключение автора книги о том, что наличие собственной аудитории — условие необходимое, но не единственное для дальнейшего развития африканских литератур, ибо судьба их, как и судьба всего процесса «реперсонализации» культуры на этом континенте, «во многом определится тем путем, по которому пойдут молодые государства: их политическим строем и степенью завоеванной демократии».

С. ПРОЖОГИНА

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ИОЗЕФ РОТ—СПРАВА ИЛИ СЛЕВА?

Joseph Roth. Der stumme Prophet. Roman. Köln — Berlin, Verlag Kiepenheuer und Witsch, 1966.

Joseph Roth. Das Spinnennetz. Roman. Köln — Berlin, Verlag Kiepenheuer und Witsch, 1967.

Естранный судьба у австрийского писателя Иозефа Рота: критика величает его классиком современной литературы, но пишет о нем скупо и вскользь. Этот пробел частично восполнен писателями, близко знавшими Рота, — Стефаном Цвейгом, Вайскопфом, Кестеном, Клаусом Манном, Цукмайером.

В воспоминаниях Эренбурга австрийскому романисту посвящена отдельная глава. Портрет Рота получился ярким, запо-

минающимся — он не теряется в пестрой и обширной веренице лиц, воссозданных мемуаристом. Эренбург высказал и несколько метких суждений о творчестве Рота. Справедливо считая «Марш Радецкого» (1932) одним из лучших романов, написанных между двумя войнами, он отмечает своеобразие этого главного произведения Рота, посвященного закату империи Габсбургов.

Отличительным свойством прозы Рота Эренбург считает поэтичность, поэтичность во всем, даже «в вязком, подробном, реалистическом описании будней». Иозеф Рот действительно был поэтом среди прозаиков.

Он писал поэтичную прозу — густую, насыщенную образами и метафорами, с тонкой ритмической организацией и филигранным словесным узором. У него был поэтический облик — иронически галантный и чуть небрежный. Он был беден и бескорыстен, неподдельно беспомощен и нерасторопен в житейских делах, которые предпочитал улаживать своим многочисленным друзьям, окружавшим его всюду, куда бы ни заводила его журналистская судьба: Рот щедро любил людей, и они платили ему такой же любовью. Он вел образ жизни поэта — постоянно скитался и странствовал, словно менестрель, по Европе, работая исключительно в кафе и барах, где проводил весь день: утром писал, а вечером занимал историей и каламбурами пестрое общество, неизменно собиравшееся у его столика.

Рот был так же непостоянен во взглядах, как непоседлив. Его взгляды поражают иногда наивной беспомощностью, за которой невозможно угадать глубокого знатока человеческой души. В самом деле, «трудно всерьез говорить о политических воззрениях Рота» (Эренбург), и понятен соблазн видеть в них лишь «иронические маски» (Кестен). Достаточно сказать, что одно время Рот уверял, будто спасти Европу от Гитлера может... Габсбург. Бруно Фрей вспоминает, как Рот, вернувшись из Москвы, куда его послали в 1926 году корреспондентом самой большой газеты в Европе «Франкфуртер альгемайне цейтунг», был сильно смущен тем, что революция, которой он так сочувствовал, не отменила деньги.

Рот-католик выглядел так же малобудительно, как и Рот-монархист. Однако была во взглядах Рота область, в которой он проявлял твердость и последовательность до конца. Имя ей — антифашизм.

Таким остался Рот в памяти современников. Таким он предстает перед потомками со страниц своего творческого наследия. Оно довольно обширно: Рот после возвращения из русского плена и до самой смерти (он умер в 1939 году парижским эмигрантом) много писал и печатал — статьи, эссе, путевые заметки, рассказы, романы, которых до недавнего времени у него насчитывалось тринадцать. Литературная сенсация Австрии последних двух лет — два недавно найденных и ныне опубликованных романа

СРЕДИ КНИГ

Рота — не дает основания пересматривать сложившееся мнение о нем как о крупном мастере критического реализма.

Первый из этих романов «Немой пророк» представляет собой компиляцию трех неоконченных вариантов, найденных в архиве недавно скончавшейся в Нью-Йорке французской переводчицы Рота. Осуществил компиляцию Герман Кестен.

Рот приступил к роману о русской революции в 1927 году — сразу же после возвращения из России. Он находился под свежим впечатлением от разгрома троцкистской группы, который был прокомментирован в буржуазной печати Запада как простая борьба за власть, что окончательно запутало писателя, и без того нетвердо стоявшего на социалистических позициях.

Растерянность, охватившая Рота, нашла отражение в набросках к роману, которые теперь — без особого успеха — Кестен попытался «сшить» воедино.

Фридрих Карган, будущий «немой пророк», как и многие другие герои Рота (как и сам автор), родился в одной из отдаленных провинций юго-запада российской империи, жил попеременно то в России, то в Австрии. Перед нами знакомая по многим другим произведениям Рота Галиция в начале века. Русско-австрийская граница с ее живописным ландшафтом и пестрым, разноязычным населением — контрабандистами, ворами, коммерсантами, шинкарями, украинскими крестьянами и венгерскими ремесленниками, еврейскими раввинами и русскими урядниками — стала для Рота тем же, чем штат Миссисипи для Фолкнера, а родной городишко Броды — его Джефферсоном. Именно здесь Фридрих Карган — на склоне безрадостной юности, последовавшей за еще более безрадостным детством — он родился как внебрачный сын купца и хлебнул горя в приюте, — знакомится с русскими революционерами, скрывающимися от царской охраны.

Под влиянием этого знакомства Карган сам становится революционером. Но движут им не идеи свободы, равенства, социальной справедливости, а желание отомстить миру за притеснения, нужду и лишения, за равнодушие к нему женщин, за вечную неудачливость. Благодаря упорству и природным способностям он со временем начинает играть видную роль в партии, но после успешного свершения революции становится жертвой коварства своего бывшего друга Савелия и вынужден отправиться в ссылку вместе с другими интеллигентами от революции, которая, как ему кажется, есть дело негнбаемых и нерелефлирующих людей — «неизменных, как принцип». «Симптом бесчеловечного будущего с его техническим совершенством», которые он увидел в практике «неизменных, как принцип, людей», приводят его к пессимистической концепции истории, что и составляет суть его «немого пророчества».

Образ бледный, натянутый, геометрически стерильный — словно мертвая точка скрещения ровно вычерченных линий фрейдизма и экзистенциализма. Это довольно

распространенный в литературе двадцатых годов тип авантюриста, использующего революцию для эгоистических целей своего, индивидуального, мелкобуржуазного в основе своей, бунта.

Герман Кестен, а вслед за ним рецензент «Форума» Мане Шпербер утверждают, что закончить роман Роту помешала преждевременная кончина. Довод весьма сомнительный — ведь от того момента, когда Рот забросил черновики, и до его смерти прошло двенадцать лет, в течение которых им было создано одиннадцать романов. За все эти годы Рот так и не завершил роман и не стал — как это было модно в те годы — публиковать «материалы» к нему. «Сшитый» воедино Кестеном, «Немой пророк» — на совести Кестена, которого даже в западногерманской печати уже обвиняли в тенденциозной — в духе идей «холодной войны» — работе над текстом Рота.

Неуклюжие попытки привлечь Рота на свою сторону, предпринимаемые вслед за Кестеном реакционными писательскими кругами, вызывают смущение и у выдавших виды буржуазных критиков (Вильгельм Грассхофф, «Нейе рундшау» № 3, 1966 г.) — слишком уж хорошо известны прогрессивно-демократические позиции Рота конца двадцатых годов.

Так, в романе «Справа и слева» (1929), показав консолидацию и борьбу правых фашистских сил, лелеемых капиталом, и левых революционно-демократических сил, притесняемых «его препохаблем», Рот недвусмысленно заявил о своей солидарности с левыми. Об этом же свидетельствуют статьи тех лет, направленные против фашизма. В 1932 году он писал в «Тагебух» о том, что Европе угрожает не большевизм, как об этом твердили тогда многие газеты на Западе, а фашизм, призвал интеллигенцию сосредоточить все силы на борьбе с «полусгнившими трупами в коричневых рубашках, которые разворотили свои могилы, согнули могильные кресты в свастику и стреляют из настоящих пистолетов в живых людей».

Антифашистские позиции Рота в художественной прозе 20-х годов столь же безоговорочны и убедительны, как и в публицистике 30-х. Рот хоть и был великим путаником в вопросах политики, но социальную опасность фашизма почувствовал с редкой прозорливостью и прямо-таки сейсмографической чуткостью — еще в то время, когда мало кто верил в реальность угрозы со стороны эксцентрических приверженцев Гитлера.

К тому моменту, когда фашисты захватили в Германии власть, стаж антифашистской борьбы Рота составлял уже десять лет. Еще в 1923 году им был написан остро-разоблачительный, антинацистский роман-памфлет «Паутина», в минувшем году увидевший свет вслед за «Немым пророком».

Герой романа — Теодор Лозе, сын таможенника, презираемый в семье за то, что он «не выполнил свой долг на фронте — не погиб лейтенантом и не попал в списки награжденных»; тяготящийся своей судьбой

домашний учитель в доме богатого еврея Эфрусси, человек ущемленный, жалкий, забитый, коротающий серенькие дни в сырой и грязной каморке или бесцельно слоняющийся по улицам среди отверженных проституток — вот эта невзрачная личность вдруг «находит свой шанс» в мутной воде некоей тайной организации с центром в Мюнхене, развернувшей оживленную деятельность в условиях инфляции, анархии, оголтелой спекуляции, охвативших Германию первых послевоенных лет.

Упомянутая тайная организация со временем вливается в фашистскую партию, и Лозе постепенно карабкается, не брезгая никакими средствами: ни предательством, ни подлогом, ни убийством, — по иерархической лестнице, возведенной бесноватым фюрером и его подручными. Начав с малого: галстук со свастикой, коллекция ножей, финок, кинжалов, револьверов, кипы национал-социалистской печатной продукции, он затем становится героем погромов и подавления рабочих демонстраций, его имя проникает в печать, которая прокладывает путь его стремительной карьере, венчающейся солидным постом в министерстве внутренних дел и женитьбой на баронессе.

В романе дана весьма широкая панорама фашизма: тут и трескучие пустые фразы о любви к народу, о социализме, ненависть к коммунизму и проповедь расового превосходства, тут и двурушничество молодчиков, составлявших душу «движения», их пьяные оргии и разврат при неизменной верности старой страстишке — скопидомству; шпионаж, взаимная слежка; продажность агентов, готовых бросить «иден», если подвернется «дело» или улыбнется неожиданное счастье в лице богатого дядюшки из Америки, как сбжавшему шефу Теодора Лозе доктору Требичу.

Действие романа в основном происходит в Берлине, но Рот показывает и само фашистское логово — Мюнхен, где под эгидой партии сходятся за пивными кружками всевозможные отщепенцы — студенты, бежавшие с общественной кассой, монахи-расстриги, соблазнявшие гимназисток, дезертиры, неудавшиеся актеры, шпионы, проститутки, карманники, сутенеры. Ближе к центру этой паутины стоят люди типа Лозе, в образе которого предугаданы многие черты будущего фашистского главаря: Лозе впоследствии вполне мог стать Гиммлером, Гейдрихом или Гессом. Этот озверелый, озлобленный мещанин — сплав банальности и brutality, нигилист и пустышка, воплощение всяческого отрицания — он антисемит, антидемократ, антикоммунист, короче говоря, античеловек.

Античеловеки не перевелись и к нашему времени. Рот вряд ли мог предполагать, что его первому роману суждено стать остроактуальным дважды на протяжении полувека. Но случилось именно так. Буквально восставший из пепла, роман набран на основе обожженной подшивки венской «Рабочей газеты», где он первоначально печатал-

ся. Эта подшивка, хранящая следы пометок и исправлений, сделанных рукой Рота, была найдена в архивах голландского издательства Аллerta де Ланге, разгромленного фашистами, когда они вошли в Амстердам. Последние главы «Паутины» были напечатаны «Рабочей газетой» 6 ноября 1923 года, а 8 ноября в Мюнхене начался путч Людендорфа (который неоднократно упоминается в романе) и Гитлера.

Роман «Паутина», словно былинный герой, воскрес для борьбы со своим старым противником — фашизмом, возрождающимся ныне в Западной Германии под слегка измененной вывеской.

Алчность современных фашистов по-прежнему простирается и на Австрию, что не может не волновать австрийских литераторов. За ними стоит достаточно развитая традиция национальной демократической литературы, традиция, в русле которой находится и творчество Рота. Всякого рода сомнительным спекуляциям на романе «Немой пророк», со стороны тех, кто пытается использовать авторитет большого писателя в своих целях, противостоят десятки его произведений, и среди них «Паутина». У «Паутины» Рота теперь новые союзики — стихи и памфлеты Фрида, Целана, Эзенрейха, пьесы Хохвельдера, романы Леберта, Базиля, Зиммеля и многие другие произведения, вступающие в переключку с той бурной эпохой, когда писатели, во многом близкие Роту по духу, любили выражать свою позицию в сжатой и поэтической формуле: «Слева, где сердце».

Ю. АРХИПОВ

ПИСАТЕЛЬ, ЕГО ГОРОД, ЕГО НАРОД

Samim Kocagöz. Yağmurdaki
kız. Istanbul, Set kitabevi, 1967.

Много лет назад в Ленинской библиотеке, просматривая анкарский «Журнал избранных рассказов» — его выпускал новеллист Салим Шенгиль, открывший путь в литературу многим турецким рассказчикам, — я попал на рассказ Самима Коджагёза «Аллах, государство и земля». Рассказ был написан с большим проникновением в строй чувств турецкого крестьянина, которое дается только любовью и мастерством, и вскоре был помещен в первой послевоенной антологии турецкого рассказа на русском языке.

Минуло почти два десятилетия. Самим Коджагёз выпустил шесть сборников рассказов, шесть романов. Его книги переведены на многие языки. По ним снимались кинофильмы, ставились пьесы... И вот мы едем с Самимом Коджагёзом по его родному городу Измиру.

Все, что дает благословенная измирская

СРЕДИ КНИГ